

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

1. ПРИЧАСТИЕ

1.1. Предварительные замечания

Существуют разные классификации причастий в адыгских языках. Однако нельзя не признать, что предложенные до сих пор классификации причастий с грамматической точки зрения остаются уязвимыми. Взгляды исследователей на причастия нередко оказываются взаимоисключающими. Так, формы типа адыг. зышьэрэр, каб. зышэр 'тот, кто везет /ведет/', адыг. зытхырэр, каб. зытхыр 'тот, кто пишет' одни авторы относят к субъектным причастиям /Гр. 1970, 185/, а другие — к объектным /Керашева, 1977, 39/. Формы типа адыг. к1уэрэр, каб. к1уэр 'идуший' некоторые авторы рассматривают как субъектные /Гр. 1970, 185/, а другие — как нейтральные причастия /Керашева, 1977, 38/. Кроме того, классификации причастий опираются на разные принципы — морфологические, синтаксические и семантические. Так, в основу классификации кладется форма спряжения при выделении субъектно-объектных причастий, тогда как обстоятельственные причастия определяются по другим признакам. Между тем спряжение — общая черта, объединяющая субъектно-объектные и обстоятельственные причастия.

В адыгских языках различаются личные и неличные причастия. В основе подобного противопоставления причастий лежит наличие /отсутствие/ категории лица.

Неличные причастия образуются от одноличных непреходящих глаголов и обладают формами времени, падежа, числа, определенности и неопределенности. Ср, адыг. к1уэрэ, каб. к1уэ 'идуший' /презентная и неопределенная форма им. падежа ед. числа/, адыг. к1уагъэхэм, каб. к1уахэм 'ушедшие' /перфектная форма эргативного падежа мн. числа/. В адыгейском языке в отличие от кабардинского презентная форма динамических глаголов включает в себя суф. -рэ, причем последний в этой форме характерен и для личных причастий.

Если не считать суф. -рэ /специального маркера презентной формы динамических глаголов в адыгейском языке/, основа неличного причастия образуется безаффиксальным способом. В отличие от неличных причастий, характеризующихся формами глагола и имени, образования типа адыг. дыгъэ, каб. да 'сшитый', адыг. жъуагъэ, каб. ва 'вспаханный' /ср. адыг. джанэ дыгъэ, каб. джанэ да 'сшитая рубашка', адыг. хатэ жъуагъэ, каб. хадэ ва 'вспаханное поле'/ изменяются по парадигме адъективных слов: каб. джанэ дар/м/ 'сшитая рубашка', джанэ дахэр/м/ 'красивая рубашка', джанэ дамч1э 'сшитой рубашкой', джанэ дахэмч1э 'красивой рубашкой', ар джанэ дашь 'это — сшитая рубашка', ар джанэ дахэшь 'это — красивая рубашка', а джанэр дашь 'эта рубашка сшита', а джанэр дахэшь 'эта рубашка красивая', ар джанэ дамэ 'если это сшитая рубашка', ар джанэ дахэмэ 'если это красивая рубашка' и др.

Слова типа да 'сшитый', ва 'вспаханный' мы рассматриваем как адъективированные перфектные формы причастия.

Более сложны и многообразны личные причастия. Последние изменяются по лицам, временам, падежам, числам, а также имеют обстоятельственные формы.

Личные причастия по своему строению могут быть субъектными, объектными и субъектно-объектными. Ср. субъектные формы: адыг. с-тхы-рэ, каб. с-тхы 'то, что я пишу', адыг. п-тхы-рэ, каб. п-тхы 'то, что ты пишешь', адыг. ы-тхы-рэ, каб. йы-тх 'то, что он пишет'; объектные формы: адыг. сы-зы-тхы-рэ, каб. сы-зы-тх 'тот, кто меня пишет', адыг. уы-зы-тхы-рэ, каб. уы-зы-тх 'тот, кто тебя пишет', адыг. зы-тхы-рэ, каб. зы-тх 'тот, кто пишет'; субъектно-объектные: адыг. сэ-б-гъэ-тхы-рэ, каб. сы-б-гъэ-тх 'то, что ты заставляешь меня писать', адыг. уэ-з-гъэ-тхы-рэ, каб. уэ-з-гъэ-тх 'то, что я заставляю тебя писать'.

В приведенных личных и неличных причастиях совмещаются значения двух частей речи — глагола и прилагательного, как это имеет место во многих других языках, в том числе индоевропейских. В адыгских /шире — западнокавказских/ языках причастия могут совмещать в себе значения трех частей ре-

чи — глагола, прилагательного и наречия. Иными словами, наряду со значениями действия /состояния/ и атрибутивности причастия могут обладать и обстоятельственным значением. Последнее заключается в том, что в причастной форме выражаются также образ, способ, место, время, причина или цель действия. Обстоятельные формы относятся к личным причастиям и образуются с помощью специальных префиксальных элементов. Ср. адыг. сы-зэрэ-кIуэ-рэ-р, каб. сы-зэры-кIуэ-р 'как я иду', адыг. сы-зы-кIуэ-рэ-м, каб. сы-шы-кIуэ-м 'когда я иду', адыг. зы-шы-с-л'эг'уыг'э-м, каб. /зы/-шы-сл'эг'уа-м 'где, я видел', адыг. сы-зы-чIа-кIуэ-рэ-р, каб. сы-шIэ-кIуэ-р 'почему я иду'. Обстоятельные формы личных причастий образуются от одноличных и многоличных глаголов, в то время как другие формы личных причастий образуются от многоличных глаголов: каб. уы-шIэ-жэр 'почему ты бежишь', уы-шIэ-з-г'а-жэр 'почему я заставляю тебя бежать'.

1.2. История образования причастия

Причастие сложилось в разные хронологические эпохи. Судя по всему, относительный преф. з/ы/- принадлежит к наиболее древним морфологическим элементам, отражающим строение причастия не только в общеадыгском языке, но и в более ранние хронологические эпохи. В адыгских языках преф. з/ы/- выражает соотносительное имя в причастиях от переходных и непереходных глаголов: адыг. сы-зы-хьырэр, каб. сы-зы-хьыр 'тот, кто меня несет', адыг. сы-зы-дэкIуэрэр, каб. сызы-дэкIуэр 'тот, с которым я иду'.

Есть основания полагать, что относительный префикс з/ы/- восходит к западнокавказскому хронологическому уровню. Ср. адыг. сы-з-л'эг'уыг'э-р, каб. сы-з-л'эг'уар, абх., абаз. сы-з-баз 'тот, который видел меня'. Как видно, здесь не только материальное и функциональное тождество относительного преф. з-, но и структурное тождество: этот префикс в строении причастия занимает позицию между личным аффиксом и основой глагола. Показательно, что личный префикс в причастных формах приведенного

типа обладает также тождественной огласовкой. Выражение соотносительного имени в причастиях с помощью преф. з/ы/-, оказавшееся чрезвычайно устойчивым в истории абхазско-адыгских языков, унаследовано, по-видимому, от эпохи языкового единства. Как будет показано ниже, тот же древний префикс сыграл важную роль в формировании обстоятельственных причастий в последующие эпохи — в период позднейшего /индивидуального/ развития адыгских языков и диалектов.

Несколько изолированное положение занимает причастная форма на -рэ в адыгейском языке. Суф. -рэ не только является локальным /адыгейским/, но на него накладываются морфологические ограничения, охватывая лишь формы презенса динамических глаголов. Ср. адыг. к1уэ-рэ-р 'идуший', но шысыр 'сидящий'. Естественно, возникает вопрос о генезисе и относительной хронологии причастий на -рэ в адыгейском языке.

Г.В.Рогова /1983, 109/ высказал мнение, согласно которому в адыгских языках причастие наст. времени исторически было представлено нулевым суф. — к1уэ-р 'идуший', но в форме дуративного аспекта с суф. -рэ — к1уэ-рэ-р 'идуший обычно'. Однако после утраты дуративного аспекта, по мнению автора, обобщенной формой причастия могла стать форма с суффиксом дуративности -рэ /ср. к1уэ-рэ-р 'идуший'/ или без этого суффикса /ср. каб. к1уэ-р 'идуший'/ . Отнесение нулевой формы причастия наст. времени к древнему /общеадыгскому/ периоду, на наш взгляд, подтверждается данными внутренней и внешней реконструкции. Что касается постулирования причастной формы на -рэ для общеадыгского состояния, то принятие этой точки зрения предполагает утрату причастного суф. -рэ кабардинским языком в период его индивидуального развития. Трудность же подобного объяснения заключается в том, что ни в одном диалекте кабардинского языка не встречается причастная форма на -рэ. Данные родственных языков также не дают оснований рассматривать форму на -рэ как старое общеадыгское причастие, сохранившееся как реликтовое явление в адыгейском языке..

Мы считаем убедительным мнение Г.В.Рогова о дуративной функции суф. -рэ в истории адыгских языков. Заметим, что эту функцию суффикс -рэ отчетливо сохраняет также в современных адыгских языках. В отглагольных прилагательных типа адыг. кӀуэры, каб. кӀуэрей 'тот, кто часто ходит', адыг. гуышыӀэры, каб. гуышыӀэрей 'разговорчивый' /адыг./, 'шутливый' /каб./ в составном суф. -рый, -рей ← *рэ-йэ первый член имеет функцию дуративности, а второй — функцию чрезмерности. Дуративная функция разбираемого суффикса очевидна в адвербиальных формах типа адыг. мафэ-рэ 'днем', чэшырэ 'ночью', по ночам'; в деепричастных формах типа каб. йышӀрэ 'он делая', йыхьрэ 'он неся'; в числительных типа адыг. шыӀырэ, каб. шышӀрэ 'тридцать раз'. Функция дуративности, постоянности суф. -рэ сохраняется в формах типа адыг. непэрэ, непэры, каб. нобэрэй 'сегодняшний', адыг. йашьанэрэ, йашьэнэрэй, каб. йэшьэ-нэрэй 'третий'.

Во всех указанных группах производных слов прослеживается, хотя и с разной степенью очевидности, значение длительного, постоянного действия или признака. То же можно сказать о причастных формах на -рэ в адыгейском языке. Тот факт, что -рэ как причастный суффикс встречается только в презенсе динамических глаголов, где действие может быть представлено как находящееся в непрерывном процессе развития и протекания, свидетельствует о том, что этот суффикс по происхождению является суффиксом длительного действия, а не причастным /Рогова, 1983/. Формы типа кӀуэрэр 'идущий' восходят к формам длительного, дуративного действия, хотя в современном языке используются как причастное образование. Преобразование формы длительности, дуративности в причастную форму произошло, по-видимому, на адыгейской почве, в то время как кабардинский язык в образовании причастных форм, в том числе в системе презенса, продолжает общеадыгское состояние. Поэтому трудно усматривать в словах типа адыг., каб. кӀуэр 'иноходец', гьуыр

'худой', пхыр 'сноп', плъыр 'сторож' старые причастия на -рэ, подвергшиеся полной субстантивации в адыгских языках. Отнесение подобных форм к общеадыгским причастиям затруднительно еще по другим соображениям. Во-первых, если формы типа кӀуэр 'иноходец', плъыр 'сторож' по происхождению являются причастиями на -рэ, то, естественно, они должны быть неличными причастиями, образованными только от переходных глаголов. Преобразование неличной формы причастия кӀуэрэ-р/ 'идуший' в кӀуэр 'иноходец' предполагает, что по этой модели образованы другие однотипные слова, включающие суф. -р /гъуыр 'худой', пхыр 'сноп', стыр, пштыр 'горячий' и др./. Однако такое толкование не может быть принято, так как в эту схему не укладываются слова на -р, образованные от переходных глаголов. Например, адыг. пӀуыр 'воспитанник' пришлось бы возводить либо к личной форме ыпӀуырэ-р/ 'тот, кого он воспитывает', либо к личной форме апӀуырэ-р/ 'тот, кого воспитывают', допуская при этом не только отпадение конечного э, но и личного префикса 3-го лица. Кроме того, некоторые слова на -р, включающие переходные основы, вообще не имеют соотносительной причастной формы на -рэ. Так, адыг. шъыр, каб. шър 'птенец, детеныш', входящее в общеадыгский лексический фонд, образовано от элативной переходной основы шъы-, шъ- 'вывести': адыг. ккъишъын, каб. кӀишын 'вывести птенцов' /Шагиров, 1977, П-1, 197/. Причастная форма от этой основы /как и от всех элативных основ/ не употребляется без локальных превербов ни в общеадыгском языке, ни в современных адыгских языках.

Обращает на себя внимание и то, что в словах типа плъыр 'сторож', пхыр 'сноп' остается необъяснимым переход э → ы. Если эти формы восходят к причастиям, то последние должны иметь огласовку э /ср. ма-плъэ 'он смотрит', ма-пхэ 'он связывает'/ . Непонятно, почему же в живых причастных формах /ср. адыг. кӀуэрэ-р 'идуший', плъэрэр 'смотрящий'/ сохраняется исходный гласный в суф. -рэ, тогда как в разбираемых основах отсутствует этимоло-

логический гласный. Редуцированный /этимологический/ гласный восстанавливается в парадигме или синтагме. Гласный э в разбираемых словах не восстанавливается ни в парадигме, ни в синтагме: каб. пхырыр 'сноп' /им.п./, пхырым 'сноп' /эрг.п./, пхыр цыхькы 'маленький сноп'. Показательно, что в субстантивированных словах, восходящих к перфектным формам причастий, сохраняется или восстанавливается этимологический конечный гласный: адыг., каб. бзыгъэр 'ломоть' /им.п./, бзыгъэм 'ломоть' /эрг.п./.

Есть основания усматривать в небольшой группе слов типа пхыр 'сноп', плыр 'сторож', кыуэр 'иноходец' реликт общеадыгских производных слов, мотивированных глаголами. Суф. -р в этих словах, как нам представляется, не является специальным причастным аффиксом, а выполняет словообразовательную функцию, хотя генетически он, бесспорно, связан с аффиксами определенности и падежа. Суф. -р в отглагольных образованиях анализируемого типа, выражая наличие того, что обозначается мотивирующей основой глагола, сближается с аффиксом дуративности. Поэтому для общеадыгского состояния нами реконструируется в системе презенса причастие без суф. -рэ.

Отсутствие противопоставления причастий разных форм времен /в том числе презенса/ с помощью специальных аффиксов восходит не только к эпохе общеадыгского единства, но и к более ранним хронологическим уровням. В этом отношении показательны данные убыхского языка, обнаруживающего структурное сходство с адыгскими языками в оформлении причастий от статических глаголов: убых, акунь гыс, адыг. куым йы-с каб. гуым йы-с 'сидящий в телеге'. Форма гыс-с /убых./, йы-с /адыг., каб./ 'сидящий в чем-то' /гы-, йы — локальный праязыковый тип образования причастия без применения специальных суффиксов. Не будет ошибкой, на наш взгляд, утверждать, что подобный способ образования причастия от статических глаголов отражает древнее состояние убыхско-адыгского ареала, тогда как стремление маркировать прича-

стные формы от динамических глаголов путем суффиксальных элементов /ср. адыг. -рэ, убых. -ы: адыг. к1уэ-рэ-р, убых. /а/к1ъан-ы 'идуций', адыг. с1уэ-рэ-р, убых. аск1ъан 'то что я говорю' — результат индивидуального развития адыгейского и убыхского языков. Заметим, что суф. -ы в убыхском не окончательно утвердился как показатель причастных форм: азб1ан/ы/ 'кто меня видит', азб1ан тыт 'человек, который меня видит', асы1ан/н/ 'кто меня бьет', й1ыан тыт 'человек, который бьет его'. Отсутствие суф. -ы или его чередование с нулем свидетельствует о зачаточном характере оформления убыхского причастия специальным суффиксом.

Обстоятельственные формы имеются во всех абхазско-адыгских языках: адыг. сы-зы-к1уэрэм, каб. сы-шы-к1уэм 'когда я иду', абх. д-ан-нейз 'когда он /человек/ пришел', абаз. й-ан-ша 'когда рассвело', убых. дгъа-у-фы-шьа 'когда ты съешь'. Как видно, обстоятельство времени в причастии выражается преф. зы- в адыгейском языке, преф. шы- в кабардинском языке, преф. ан- в абхазском и абазинском языках, преф. дгъа- и суф. -шьа в убыхском языке. Здесь невозможна реконструкция общей формы выражения обстоятельственной формы: обстоятельственные аффиксы /адыг. зы-, каб. шы, абх., абаз. ан-, убых. дгъа-... -шьа/ генетически несводимы к единому архетипу. То же следует сказать о других обстоятельственных формах /места, причины, образа действия и др./ причастий в абхазско-адыгских языках.

Обстоятельственные формы причастий сложились в период после распада абхазско-адыгского праязыкового состояния, что и подтверждает генезис обстоятельственных аффиксов в современных абхазско-адыгских языках. Вместе с тем наличие во всех этих языках типологически тождественных и функционально однотипных обстоятельственных форм причастий нельзя объяснить лишь их независимым параллельным развитием в эпоху самостоятельного существования указанных трех языковых ветвей. Глубоко специфические по своему строению обстоятельственные причастия, хотя и оформились как результат индивидуального развития трех языковых ветвей, по-видимому, отражают общие структурные тенден-

ции, унаследованные от более ранней хронологической эпохи — западнокавказского языкового состояния. Иначе трудно объяснить существование во всех западнокавказских языках функционально тождественных инфинитных обстоятельственных форм причастий.

Между адыгскими языками отмечаются значительные расхождения в образовании обстоятельственных форм причастий. Обстоятельственная форма причастия времени выражается разными префиксами в адыгейском и кабардинском языках: адыг. зы-, каб. шы- /ср. адыг. сы-зы-к1уэрэм, каб. сы-шы-к1уэм 'когда я иду'/. В кабардинском языке преф. шы- имеет также значение места в причастии: шылажьэр сош1э 1/ 'знаю, где он работает'; 2/ 'знаю, когда он работает' /Бижоев, 1983, 11/. Многозначность шы- вторична, что доказывается его однозначностью в составе финитных форм: каб. гуыбгъэм шыолажьэ /шыопсэу, шыожей, шыоджэгу, шыозауэ, шыол1э/ 'в поле работает /живет, спит, играет, воюет, умирает/'. Отсюда можно заключить, что значение времени преф. шы- в причастии производно, т.е. исходным является значение места, сохранившееся в формах прямого склонения.

Что касается адыгейского преф. зы-, то он фонетически совпадает с общеадыгским относительным преф. зы- /хотя их генетическое тождество остается недоказанным/. Тот факт, что причастный преф. зы- в относительном значении не только имеет широкое распространение /охватывая все диалекты и говоры адыгских языков/ и восходит к общеадыгскому состоянию, тогда как причастный префикс зы- в значении обстоятельства времени является локальным и не может быть возведен в этой функции к общеадыгскому языку, показывает его инновационный характер. В то же время нет оснований интерпретировать особенности выражения обстоятельственной формы причастия в современных адыгских языках как результат потери праязыкового наследия. Оформление обстоятельственной формы причастия на базе расширения функций фонетически разных аффиксов /адыг. зы-, каб. шы-/ относится к

эпохе индивидуального развития адыгских языков.

Обстоятельственные причастия места выражаются преф. адыг. зышы-, каб. зышы-, адыг., каб. зыдэ-, восходящими к эпохе общеадыгского единства: зышы-лажэрэр каб. зышы-лажэр 'где, он работает', адыг. зыдэ-кӀуэрэр, каб. зыдэ-кӀуэр 'куда он идет'. Первый член обоих префиксов представляет собой относительный преф. зы-, второй — локальный префикс шы- → шы-, дэ-. Преф. зышы-, зышы- в отличие от зыдэ имеет вариант: адыг. шы-, каб. шы-. Подобное варьирование префикса места особенно характерно для кабардинского языка. Ср. каб. ар шы-псэу, зышы-лажэ, шы-жей /зышы-жей/ уынэр 'дом, где он живет, работает, спит'. Заметим, что в кабардинском преф. шы- /по сравнению с зышы-/ имеет более широкое распространение. Более того, не все обстоятельственные причастия места с преф. шы- допускают вариантную форму на зышы-: уы-кӀы-шы-зэ-жэ уынэр 'дом, где ты меня ждешь', сы-шы-плэгуа уынэр 'дом, где ты меня видел'. Причастные формы приведенного типа не имеют равнозначных вариантов на зыш/ы/-. Во всяком случае, варианты типа уы-кӀы-зы-шы-зэ-жэ уынэр в значении 'дом, где ты меня ждешь', сы-зышы-п-плэгуа уынэр в значении 'дом, где ты меня видел' носят окказиональный характер.

Хотя вариант зышы- менее продуктивен и его употребление ограничено грамматически/морфологически/, представляется очевидным, что именно этот составной по своему строению вариант является исходным. Вариант шы-, получивший очень широкое распространение как обстоятельственный префикс причастия места, относится к новообразованиям. Это доказывается не только данными адыгейского языка, где отмечается обратное соотношение вариантов зышы-, шы- с точки зрения их продуктивности и распространенности, но и значением общеадыгского зы-, входящего в состав относительного преф. зыдэ-. Адыг. зышы-, каб. зышы-, адыг., каб. зыдэ- находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, что говорит в пользу инновационного характера адыг. шы-, каб. шы- в обстоятельственных причастиях места.

В причастиях от статических глаголов и глаголов движения вместо адыг. зышы-, каб. зышы- употребляется зыдэ-. При этом причастия от глаголов движения с преф. зыдэ- выражают направление действия: каб. зышып-сэур 'где он живет', но зыдэшшысыр 'где он сидит', зыдэкиуэр 'куда он идет'.

Наблюдающиеся в диалектах случаи омонимии /отклонения от принципа дополнительной дистрибуции/ рассматриваемых префиксов — явление позднее: каб. зышыпсэур, зыдэпсэур 'где он живет', зышылажэр, зыдэлажэр 'где он работает'. То же следует сказать о сочетании двух префиксов в одной и той же форме причастия. Речь идет о формах типа адыг. зыдышы-лажэрэр, каб. зыдэшшы-лажэр 'где он работает'. Если исходить из членения словоформы по дескриптивному методу непосредственно составляющих, то подобные образования состоят из адыг. зыды + шылажэрэр, каб. зыдэ + шылажэр 'где он работает' /где ды- не инкорпорируется в состав форм зышылажэрэр, зышылажэр 'где он работает', а зыды-, зыдэ- присоединяется к модели шылажэрэр, шылажэр 'где он работает'/. Вторичность форм на зыдэшшы-, зыдэшшы- очевидна, хотя широкое распространение подобных образований в адыгских языках и диалектах дает известные основания приписать их общеадыгскому состоянию. Иными словами, для общеадыгского языка возможно существование разных морфологических моделей обстоятельственных причастий, выражающих локальные отношения. Однако к поздним диалектным инновациям должны быть отнесены как случаи перераспределения значимых элементов сложного преф. зыдэшы-, зыдэшшы- в словоформах типа каб. кышышыздикиуыхыр 'где он ходит', шыызэлажэр 'где он работает', так и получившие большее распространение варианты типа каб. зыдытетыр, зытетыр 'где он стоит'.

К поздним инновациям должно быть отнесено также использование в функции обстоятельственного времени формы типа адыг. ккы-зшы-и-хьэм 'в то время, когда наступает' /ср. йылъэсчгэр ккыз/ы/-шыхьэрэм 'в то время, когда наступает Новый год'/, зышы-лгэштым 'в то время, когда он должен умереть' /ср. зышылгэштым ккылуагь 'в то время,

когда должен был умереть, он сказал'/. Показательно, что подобные формы носят локальный характер: встречаются только в адыгейском языке. То же следует сказать о формах типа каб. сы-здэ-к1уэм 'в то время когда я шел' /ср. сыздэ-к1уэм слъэгъуашъ 'увидел его, в то время, когда я шел'/. Употребление форм причастия места в функции форм причастия времени и в данном случае — вторичное явление, возникшее на кабардинской почве. В обоих языках отмечаются тенденции к расширению функции формы причастия места, что еще во многом носит контекстуальный, нерегулярный характер. Преф. зэр/ы/-, оформляющий причастия способа действия, унаследован от общеадыгского состояния: адыг. сы-зэры-тхэрэр, каб. сы-зэры-тхэр 'чем я пишу'. Общеадыгский преф. зэр/ы/- состоит из двух аффиксов — относительного зэ- /→зы-/ и инструментального р/ы/-.

Обстоятельственные причастия способа действия генетически связаны с обстоятельными причастиями образа действия. Правда, по этому вопросу существует и другая точка зрения /Рогова, Керашева, 1966, 322, 325/. Ср. адыг. сы-зэрэ-к1уэрэр, каб. сы-зэры-к1уэр 'как я иду'. Думается, что различие в огласовке префикса образа действия зэр/э/- и способа действия зэр/ы/- в адыгейском языке — позднее новообразование: зэрэ-с-хырэр 'как я его несу', зэры-с-шырэр 'чем я делаю', но зэр-и-хырэр 'как его несет', зэр-и-шырэр 'чем он делает'. Кроме того, в адыгейском языке наряду с поздней формой зэрэ- представлена и форма зэры- /Тхаркахо, 1965/. В отличие от адыгейского языка в кабардинском отсутствует подобная дифференциация фонетического оформления префиксов образа действия и способа действия: каб. зэры-с-шыр 1/ 'как я делаю'; 2/ 'чем я делаю'. Хотя многофункциональность префикса унаследована от эпохи общеадыгского языка /иначе трудно объяснить наличие причастий способа действия и образа действия, выраженных фонетически тождественными или очень близкими формами в современных адыгских языках/, значение способа /орудия/ действия является, по-видимому, исходным. В пользу этого говорит однозначность в формах пря-

мого склонения инструментального преф. р/ы/-, генетически связанного с префиксом р/ы/ в причастиях способа действия: каб. ар сэм йы-ры-э-о-ш1 'я делаю это ножом'. Генетическое тождество ры- в йы-ры-э-о-ш1 'я делаю чем-то' устанавливается как с ры- в зэ-ры-с-ш1ыр 'чем я делаю', так и с ры- в зэ-ры-с-ш1ыр 'как я делаю'. Ср. генетическое тождество шы- в сы-шы-опсэу 'я живу там' как с шы- в сы-шы-о-псэу 'где я живу', так и с шы- в сы-шы-псэур 'когда я живу'. Заметим, что известная симметричность самой системы сказывается в том, что в финитных формах, т.е. в формах прямого склонения сохраняется исходная функция аффикса, в то время как последний приобретает дополнительные функции в инфинитных /причастных/ формах.

Формы типа зэры-с-ш1ыр 1/ 'чем я делаю'; 2/ 'как я делаю', сы-шы-псэур 1/ 'где я живу'; 2/ 'когда я живу' при синхронной характеристике должны быть рассмотрены как омонимические образования, хотя очевидна исходность локальной функции преф. шы- и инструментальной функции преф. ры-. Последний генетически неотделим от абх., абаз. ла-, обладающего инструментальной функцией: абх., абаз. чыла 'лошадью, при посредстве лошади'. Можно сказать, что данные внешней реконструкции подтверждают древность инструментальной функции образа действия афф. ры- в причастиях адыгских языков,

Обстоятельственные причастия причины /цели/ образуются в адыгейском языке с помощью преф. зыч1э-, ч1э-, зыфэ-, в кабардинском языке — с помощью преф. ш1э-: адыг. сы-зыч1э-к1уэрэр, каб. сы-ш1э-к1уэр 'почему я иду', адыг. сы-зыфэ-к1уэрэр 'для чего я иду', зыч1э-с-хыггэр, ч1э-с-хыггэр, каб. ш1э-с-хьар 'почему я его нес', адыг. зыфэ-с-хыггэр 'для чего я его нес'. Двум сложным по своему строению адыгейским преф. зыч1э-, зыфэ- функционально соответствует один морфологический нечленимый кабардинский преф. ш1э-. Причастные формы на зыфэ- относятся к инновациям, возникшим на адыгейской почве. Сложный афф. зыфэ- образован из относительного преф. зы- и преф. фэ-, восходящего к версионному фэ-: сы-фэ-к1уагъ 'я ходил для него'.

Развитие причинно-целевой функции на базе версионного значения семантически вполне закономерно.

Что касается соотношения и относительной хронологии адыг. зыч1э-, ч1э- и каб. ш1э-, то отсутствие каких-либо следов варианта зыч1э в кабардинских диалектах и говорах не позволяет считать адыгейскую форму зыч1э- исходной локальной моделью аффикса обстоятельственного причастия. Поэтому нет основания полагать, что кабардинский язык утратил относительный преф. зы-, а адыгейский его сохранил, продолжая общеадыгское состояние. Вариант зыч1э- /вместо ч1э-/, по-видимому, относится к адыгейским новообразованиям. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что для адыгейского языка вообще характерно осложнение простых глагольных префиксов: темирг. ч1эрысын → бжедуг. ч1э-лтырысын 'сидеть около', темирг. ч1эрылын → бжедуг. ч1э-лтырылын 'лежать около'. Можно предположить, что выражение причинно-целевой функции в причастиях простым префиксом унаследовано от общеадыгского языка, в то время как вариантные формы типа зыч1э-к1уэрэр 'почему он идет', зыфэ-к1уэрэр 'для чего /зачем/ он идет', включающие осложненные преф. зыч1э-, зыфэ-, сложились на адыгейской почве.

Причастный префикс причинно-целевой функции адыг. ч1э-, каб. ш1э- восходит к *ч1э; для фонетики ср. *ч1э-дэн → адыг. ч1э-дэн → каб. ш1э-дэн 'подшить'. Ср. также варианты формы локального преверба ч1э-, ч1э-, широко представленные в словарях адыгейского языка: ч1э-зын, ч1э-зын 'вывалиться, отпасть снизу' /Толковый словарь адыгейского языка. 1960, 373, 643/, ч1э-дзын, ч1э-дзын 'бросить', ч1э-тын 'стоять, находиться под', ч1э-с 'сидит под', ч1э-сын 'сидеть где-то' /Адыгейско-русский словарь. 1975, 179, 181, 406/. Причастный префикс причинно-целевой функции ч1э-/ш1э- /← *ч1э-/ генетически восходит к локальному префиксу /превербу/ ч1э-/ч1э- /Керашева, 1957, 78/. Как отмечалось, к локальному префиксу восходит также причастный суффикс временной функции

шы-, шы- /ср. каб. абы сы-шы-лэжъашъ 'я работал там', абы сы-шы-лэжъам 'когда я там работал'/. Иными словами, развитие причинно-целевой функции на базе локального префикса аналогично развитию временной функции на базе локального преф. шэ-, шэ- /Ср. также по происхождению локальный преф. дэ- в обстоятельственных причастиях места/. Тем самым устанавливаются определенные тенденции, заключающиеся в использовании общеадыгских локальных префиксов в функции обстоятельственных префиксов в причастных формах.

В специальной литературе существует также несколько иное решение вопроса о генезисе префикса причинно-целевой функции адыг. члэ-, каб. шлэ- в причастных образованиях. Высказано мнение, что разбираемый префикс по происхождению представляет собой префикс косвенного отношения адыг. члэ-, каб. шлэ- в формах типа адыг. сы-члэ-уыпчлэагъ, каб. сы-шлэ-уыпшлашъ 'я проведал его', 'я спросил о нем', адыг. сы-члэ-лъэлунгъ, каб. сы-шлэ-лъэлуашъ 'я просил' /Рогова, Керашева, 1966, 326/. Нам представляется вероятным развитие функции префикса косвенного отношения на базе того же локального преф. адыг. члэ-, члэ-, каб. шлэ-: ср. каб. шлэ-члэен 'кричать во что-то, внутри чего-то' → шлэ-члэен 'кричать на него'. Однако использование локального префикса в качестве префикса косвенного отношения, по-видимому, не противоречит развитию причинно-целевой формы причастия на базе того же локального префикса, тем более, что аналогичное сложение характерно и для обстоятельственных причастий времени и места /преф. шы-, шы-, дэ- в обстоятельственных причастиях времени и места/.

Итак, анализ материала показывает, что адыгские языки характеризуются разной хронологической соотнесенностью причастных форм. В процессе становления последних использовались старые унаследованные формы, а также поздние и позднейшие новообразования. Из унаследованных явлений наибольшей стабильностью и инвариантностью отличаются причастия с относительным преф. зы- и нулевой суффиксацией /типа каб. зы-хъ 'носящий', клуэ 'идуший', адыг. шы-с,

каб. шы-с 'сидящий'/. Материальное и функциональное тождество относительного префикса в абхазско-адыгских языках /ср. абх. и-з-фо, каб. зы-шх 'тот, кто ест, кушает'/ позволяет отнести его к наиболее ранним хронологическим уровням и древнейшим морфологическим элементам, участвующим в образовании причастных форм. Отсутствие специального суффикса в причастиях /ср. каб. к1уз 'идущий', зы-хь 'несущий'/ хронологически предшествуют развитию суффиксальной формы в презенсе /ср. адыг. к1уз-рэ-р 'идущий', зы-хы-рэ-р 'несущий'/, сложившейся в период раздельного существования адыгских языков. обстоятельственные формы причастия сложились на общеадыгской почве, т.е. хронологически они не могут быть соотнесены с более ранними праязыковыми уровнями, хотя типологически и обнаруживают тождество с аналогичными образованиями в других западнокавказских языках. В то же время обстоятельственные формы причастия включают целый ряд локальных и диалектных инноваций. В процессе же становления обстоятельственных причастий перекрещивались разные категории, что привело к образованию сложных по строению и отчасти синкретических по функции причастных форм /ср., например, использование сочетания относительного префикса с локальными превербам в функции обстоятельного префикса в причастиях/. Последнее обстоятельство обусловило целый ряд конкурирующих вариантов и региональных форм, отражающих процессы индивидуального развития адыгских языков и диалектов.

2. ДЕЕПРИЧАСТИЕ

2.1. Предварительные замечания

Деепричастие как атрибутивная глагольная форма совмещает значения глагола и наречия. Существует мнение, что "деепричастие не изменяется по временам" /Гр. 1970, 191/. Вряд ли можно согласиться с подобной трактовкой морфологического строения деепричастия. Хотя в образовании временных форм деепричастия имеются ограничения, изменение

по временам характерно для деепричастия: адыг., каб. йэ-джэу 'он читая', адыг. йэ-джагъэ-у, каб. йэ-джа-уэ 'он прочитав'. Заметим, что в адыгейском языке специалисты выделяют не только формы презенса и перфекта, но и другие формы времени. Ср. от глагола к1уэн 'идти': презенс к1уэу, к1уэээ, мак1уэу, перфект к1уагъэу, плюсквамперфект к1уэ-гъагъэу, имперфект к1уэштыгъэу, футурум к1уэштыэу и др. /Рогова, Керашева, 1966, 214-233/. В кабардинском языке временная парадигма деепричастия более ущербна по сравнению с адыгейским языком, Однако неполная парадигма времен не означает отсутствие форм времен. Во всяком случае, во всех адыгских диалектах и говорах реализуется противопоставление презенса и перфекта деепричастных образований, что с грамматической точки зрения вполне достаточно для признания категории времени у деепричастия. Деепричастие обладает формами лица, отрицания, каузатива, версии, союжности, совместности: каб. сык1уэу/э/ 'я идя', уык1уэу/э/ 'ты идя', к1уэуэ 'он идя', сымык1уэу/э/ 'я не идя', згъак1уэу/э/ 'я заставляя идти', схузк1уэу/э/ 'идя ради меня', сыдэк1уэу/э/ 'я идя с ним'.

2.2. История образования деепричастия

Процессы сложения и формирования деепричастия, морфологические элементы, участвующие в его образовании, относятся к разным хронологическим срезам. Современные адыгские языки обнаруживают значительные расхождения в строении и образовании деепричастия. Расхождения касаются как морфологического состава аффиксов, с помощью которых образуются деепричастия, так и форм словоизменения.

В адыгских языках и диалектах представлены деепричастные суф.: адыг. -зэ, -/э/у, каб. -у/э/, адыг., каб. -рэ, каб. -урэ, адыг., каб. -гуэ, -гуэрэ, адыг. -гуэээ, -гуэ-зэрэ, -гуээзэгъу, -зэгъу, -гуэргъэ и др.

1. Суф. -зэ встречается только в адыгейском языке: адыг. к1уэ-зэ 'он идя', ы-шы-зэ 'он делаю', йэ-плы-зэ 'он смотря', джэгъу-зэ 'он играю'. Генетически деепри-

частный суф. -зэ, по-видимому, связан с относительным причастным преф. зэ-. В пользу этого говорит не только фонетическое тождество, но и функциональное сходство сравниваемых аффиксов. Последние употребляются в инфинитных формах и характеризуются значением одновременного, повторяющегося действия: зэ-к1уэ-м 'когда он идет', к1уэ-зэ 'идя, идучи, когда он идет'. Есть основания полагать, что суф. -зэ в адыгейском языке является фонетическим вариантом общеадыгского инфинитного суф. -шъ/ы/. Ср. переход суф. -шъ/ы/ в -зы в абадзехском диалекте в разных временах глагола: сыхахъизы 'я вступил и', сэ1уэзы 'я говорю и'. Заметим, что суф. -зы /-зи/, как и суф. -зэ, обладает значением незаконченности, повторяющегося действия.

Деепричастные формы на -зэ, как и причастные формы зэ-, — адыгейское новообразование, не получившее распространение в кабардинских диалектах. К поздним диалектным инновациям относятся также деепричастные формы на -гуэзэ, -гуэзэрэ, -зэрэ, -зэгъу, -гуэзэгъу и др., в состав которых входит анализируемый суф. -зэ: шапс. Ашь ч1эсхэзэгъу багъуэхи... 'Живя там, прибавились и...' /Керашева, 1957, 82/; абадз. 1ьялэр уэрэд ккы1уэгъуэзэ /ккы1уэзэрэ, ккы1уэгъуэзэрэ/ блэ1ьигъ 'Парень, песню напевая, прошел' /Кумахова, 1972, 81/.

2. Варианты другого деепричастного суф. -эу, -уэ, -гуэ являются фонетическими. Форма -эу, восходит к -уэ. Отпадение конечного э в этом суффиксе с разной степенью интенсивности отмечается во всех адыгских диалектах, в то время как наличие э в положении перед сонантом у /-эу/ — результат индивидуального развития адыгейского языка. Для общеадыгского состояния рассматриваемый суффикс реконструируется с конечным гласным э.

Другое дело — соотношение вариантов -уэ и гуэ. По этому поводу существуют разные мнения. Л.Г.Лопатинский /1891, 35/, а вслед за ним Г.Ф.Турчанинов и М.Цагов /1940, 149/, из этих вариантов исходным, архаичным считают -гуэ. Г.В. Рогава /1956, 101/ стоит на противоположной точке зрения, рассматривая вариант -гуэ как новообразование, восходящее

к -уэ. Вариант -гуэ встречается лишь в диалектах и старых записях И.А.Гюльденштедта, Ш.В.Ногмова, К.М.Атажукина и др., что, по-видимому, заставляет исследователей квалифицировать его как архаичную форму широко распространенного и литературного -уэ.

Вариант -уэ Г.В.Рогава /Там же/ генетически связывает с абхазским -уа, образующим основу глагола наст. времени и форму деепричастия: данца-уа 'когда он идет', дыца-уа 'он /человек/ идя'. Материальное и функциональное тождество адыгского деепричастного суф. -уэ с абхазско-абазинским деепричастным суф. -уа, бесспорно, заслуживает внимания. Принятие этого сближения предполагает не только переход -уэ → -гуэ, но — что более важно — существование общего деепричастного суф. *-уа в эпоху западнокавказского языкового единства.

Вариант адыгского деепричастного суф. -гуэ фонетически сближается с убыхским деепричастным суффиксом -гьы: ахьы-щъа йьбэ-гьы 'разрезая одежду'. Сближение адыг., каб. -гуы с убых. -гьы поддерживается тенденцией к делабиализации и палатализации согласных в убыхском: адыг., каб. гуы, убых. гьы 'сердце'. Вместе с тем не лишено основания предположение Ж.Дюмезиля о возможном генетическом тождестве деепричастного суф. -гьы и соединительного суф. -гьы в убыхском языке: сымышъа-гьы 'я, читая', сыгъуа-гьы скъан 'я также /и я/ иду'. /Dumézil, 1975, 194/. Сближение в убыхском соединительного -гьы и деепричастного -гьы, по-видимому, исключает сближение последнего с адыгским деепричастным суф. -гуэ.

В целом состояние изученности вопроса допускает разную интерпретацию соотношения адыгских вариантов -гуэ, -уэ и их связей с данными родственных языков. Одно из объяснений состоит в том, что вариант -уэ отражает архаичную форму, генетически связанную с абхазско-абазинским деепричастным суф. -уа. Согласно другой точке зрения, вариант -уэ генетически не связан с абхазско-абазинским -уа, а является результатом видоизменения -гуэ, восходящего вместе с убыхским -гьы к одному источнику. Первое объяс-

нение допускает наличие общей деепричастной формы, восходящей к эпохе западнокавказского единства, тогда как второе объяснение предполагает существование деепричастной формы, относящейся к адыгско-убыхскому уровню.

Вряд ли нуждается в объяснении тот факт, что в адыгских языках в деепричастиях используется тот же суффикс, что и в падежных и наречных формах: адыг. к1уэ-у, каб. к1уэ-уэ 'идя', адыг., каб. дахэ-у 'красиво', адыг., каб. уыне-у 'дом' /обст.п./. Синкретизм в данном случае объясняется мотивирующей основой: один и тот же по происхождению суффикс приобретает в сочетании с глагольной основой функцию деепричастного суффикса, в сочетании с основой существительного — функцию падежного аффикса, в сочетании с основой прилагательного /имени качества/ — функцию наречия. При этом не приходится отрицать, что в сочетании с основами разных классов слов сохраняется инвариантное /обстоятельство-ное/ значение суффикса. С этой точки зрения следует, по-видимому, подойти к решению давно дискутируемого в литературе вопроса о сущности словоформ на -эу, -уэ ← -гуэ и их лексико-грамматической принадлежности.

3. Суф. -рэ, хотя и менее употребителен по сравнению с другими суффиксами, встречается в деепричастных формах: адыг. дэл1ч1айэ-рэ ккьэк1уэ 'подпрыгивая идет', /Рогава, Керашева, 1966, 327/, каб. йыгъажэ-рэ йышху-у 'жаря и кушая'. Суф. -рэ /как и суф. -эу, -уэ/ применяется не только для образования деепричастия /Рогава, 1983, 109/. По происхождению деепричастный суф. -рэ неотделим от причастного -рэ и соединительного -рэ, генетически сближающихся с абхазско-абазинским суффиксом длительного и многократного действия -ла: адыг. к1уэ-рэ-р 'идуший', каб. сы-к1уэну-рэ сеплынушь 'пойду и посмотрю'. В деепричастных, причастных и соединительных формах в суф. -рэ довольно четко прослеживается инвариантное значение незаконченного, длительного, повторяющегося действия. Особенно близки функции деепричастных и соединительных форм на -рэ в конструкциях типа йыгъажэ-рэ йышху 'жаря и кушая', к1уэ-ну-рэ йэплынушь 'пойдет и посмотрит'. Как соединительный

/союзный/ суф. -рэ восходит к эпохе адыгско-убыхского хронологического уровня, тогда как в деепричастных формах суф. -рэ не идет глубже общеадыгского хронологического уровня. Отсюда можно заключить, что деепричастие на -рэ непосредственно восходит к соединительной форме на -рэ. В результате вторичных процессов возникли составные деепричастные суффиксы, включающие -рэ: ср. -урэ, -гуэрэ и др. Некоторые из них /например, шалс. -гуэргэ, абадз. -гуэзэрэ и др./ относятся к поздним диалектным инновациям.

В связи с генетической взаимосвязью соединительных и деепричастных форм обращает на себя внимание адыг. -шь и убых. -шьа в инфинитных образованиях. В убыхском суф. -шьа образует деепричастие: амыцла-шьа '/они/ не зная', амкйайы-шьа 'не возвращаясь'. О генезисе этого суффикса Ж.Дюмезиль пишет: 'Не может быть сделана никакая гипотеза о происхождении этого герундива /формы на -шьа - М.К./: значение не позволяет сблизить -шьа с энклитическим -шь /сс, с/, который в кабардинском присоединяется ко всем формам индикатива" /Dumézil, 1975, 192/. Ж.Дюмезиль имеет в виду суффикс-копулу -шь в кабардинском глаголе: шьыт-шь 'он стоит'. Действительно, убыхский деепричастный суф. -шьа в функциональном плане трудно сблизить с кабардинским суффиксом-копулой.

Однако нам не кажется невозможным сближение убых. -шьа с общеадыгским -шь, обладающим в инфинитных образованиях разными функциями. Одной из этих функций является выражение временных отношений, свойственных деепричастию: адыг. мачъэ-шь 'бегая', 'бегает и', маклуэ-шь 'идя', 'идет и', каб. щйэхъэ-шь уынэми тлысашь 'войдя в комнату, он сел', йэплъ-шь аби жылашь 'посмотрев, он сказал', 'он посмотрел и сказал'. Форма на -шь выражает /наряду с другими значениями/ отношения последовательности, предшествования действия, что является одной из функций не только союзной формы, но и деепричастия. Ср. отношения последовательности и предшествования действия, выражаемые формой деепричастия в русском языке: 'остановившись, сказал', 'остановившись, скажет'. Вряд ли поэтому можно считать случайным

материальное и функциональное сходство адыг., каб. -шь и убых. -шьа.

Различия между адыгскими языками касаются также строения глагольных основ, от которых образуются деепричастия. Так, для адыгейского языка характерны формы деепричастия типа мак1уэ-у 'идя', мачэ-у 'бегая', образованные от основы наст. времени: мак1уэ 'идет', мачэ 'бежит'; ср. также от тех же основ с уступительным значением мак1уэ-зэ, мачэ-зэ. Подобные формы деепричастия отсутствуют в кабардинском языке. Формы деепричастия типа мак1уэ-у, мак1уэ-зэ входят в систему словоформ, мотивированных производящей основой презенса: адыг. мак1уэ-мэ 'если он идет', мак1уэ-м-и 'хотя он идет', мак1уэ-шь 'он идя' / 'он идет и' / и др. Соответствующих форм также не встречается в кабардинском языке.

Не подлежит сомнению, что формы деепричастия типа мак1уэ-у, мак1уэ-зэ, как, впрочем, и другие глагольные формы, мотивированные презентной основой /мак1уэ-мэ 'если он идет' и др./, являются инновацией, т.е. сложились на адыгейской почве. В пользу этого говорит не только отсутствие каких-либо следов анализируемых деепричастных и других глагольных форм в кабардинских диалектах и говорах, но и сравнительно более высокий потенциал адыгейского языка в области словоизменения глагола и отглагольных образований. По сравнению с адыгейским языком кабардинский в ряде случаев характеризуется неполными парадигматическими рядами глагола и ограничениями в образовании глагольных категориальных форм. Подобные же ограничения распространяются на строение кабардинского деепричастия.

В заключение следует подчеркнуть, что деепричастие отражает языковые черты разных хронологических срезов и сохраняет генетические связи с разными морфологическими категориями, что свидетельствует о неоднородности и сложности процессов его формирования. В образовании деепричастия участвуют как элементы, проецируемые в эпоху западнокавказского языкового единства /например, суф. -рэ, находящийся в генетической связи с абхазско-абазинским суффик-

сом длительности и многократности -ла/, так и элементы позднейших диалектных новообразований /составные суф. -гуз-зэрэ, -зэгъу и др. в адыгейских диалектах/.

3. ИНФИНИТИВ

Инфинитив в адыгских языках своеобразен по своему строению и резко отличается от инфинитива в индоевропейских языках. Вообще сам термин 'инфинитив' применительно к адыгским языкам во многом условен. Существует мнение, что инфинитив образуется от формы повелительного наклонения с помощью специального афф. -н, например: тхы 'пиши' — тхын 'писать', жылэ 'говори' — жылэн 'говорить', тэдж 'встань' — тэджын 'встать' /Гр. 1970, 184/. На самом деле, мотивирующая основа инфинитива ничего общего не имеет с основой повелительного наклонения, кроме внешнего фонетического сходства. В адыгских языках нет специального аффикса, образующего только форму инфинитива. Кроме того, в функции инфинитива используется не одна, а несколько форм. Одна из них образуется с помощью того же суффикса, что и буд. время.

В зависимости от синтаксического окружения инфинитив /форма на -н/ изменяется по лицам: адыг. с-тхын слъэч1ышьт, каб. с-тхын слъэч1ынушь 'я могу писать', адыг. п-тхын плъэч1ышьт, каб. п-тхын плъэч1ынушь 'ты можешь писать', адыг. ы-тхын ылъэч1ышьт, каб. ытхын /ы/лъэч1ынушь 'он может писать'. Форма на -н употребляется также в неопределенной форме, т.е. безотносительно к лицу: адыг. к1уэн файэ, каб. к1уэн хуейшь 'надо идти', адыг. йэджэн файэ, каб. йэджэн хуейшь 'надо читать'. Характерной чертой инфинитива является избирательная сочетаемость, т.е. обусловленность его функционирования финитными глаголами определенного лексико-грамматического класса. Сюда входят прежде всего лексемы, относящиеся к *verba sentiendi*. Так, в кабардинском языке группу *verba sentiendi*, синтаксически связанную с инфинитивом, образуют глаголы типа хуейын 'хотеть, желать', лъэч1ын 'мочь', ф1эф1ын 'нравиться',

йыжэгъуэн 'не нравится'. Показательно, что в группу *verba sentiendi* втягиваются и заимствованные лексемы, что свидетельствует о незавершенности процесса формирования инфинитива: каб. сыкӀуэн симурадӀы 'я намерен идти', кӀуэн йымурадынууш 'он вознамерится /вздумает, захочет/ идти' сыкӀуэн сикӀалэнш 'я должен идти'.

Инфинитив, хотя и образован от буд. времени, десемантизирован, т.е. суф. -н в инфинитивной форме утрачивает свое временное значение. Использование формы на -н в функции инфинитива в сочетании с финитными глаголами, бесспорно, можно отнести к эпохе общеадыгского единства. В то же время адыгский инфинитив не находит генетических связей с инфинитивом в родственных языках, что свидетельствует о его сложении в период индивидуального развития общеадыгского языка.

Особая форма инфинитива встречается в адыгейском языке: кӀуэ-гъэ-н 'идти', шы-гъэ-н 'делать'. Хотя разбираемая форма инфинитива фонетически совпадает с общеадыгской перфектной формой предположительного наклонения /ср. адыг. кӀуэгъэн фӀаӀэ, каб. кӀуэгъэн хуейш 'он, наверное, пошел'/, нельзя сказать, что в данном случае мы имеем дело с совмещением в одной форме разных функций. Форма предположительного наклонения, представленная во всех адыгейских и кабардинских диалектах, сложилась в эпоху общеадыгского единства, тогда как употребление формы типа кӀуэгъэн 'идти' в функции инфинитива — локальное /адыгейское/ новообразование.

Глагольная форма в функции инфинитива образуется также от чистой основы глагола. Данная форма изменяется по всем лицам, будучи лишена каких-либо временных показателей /Рогова, Керашева, 1966, 329/. Форма от чистой основы, как и другие формы инфинитива, имеет ограничения в сочетании с финитными глаголами. Только несколько глаголов допускает сочетание с формой в функции инфинитива от чистой основы. К ним относится небольшая группа *verba sentiendi* в значениях 'быть', 'желать', 'начинать', 'долженствовать': адыг. сы-кӀуэ сӀуэӀыгъу 'хочу /желаю/ ид-

ти', каб. с-тхы хъуынушь 'мне можно писать', адыг. зи-тхъагчы фежьагъ 'он начал умыться', каб. зигъэпсч1 къ1иуыблашь 'он начал купаться'; ср. также каб. шъыс /шъыль, шъыт/ йыхабзэшъ 'он имеет обыкновение /привычку/ сидеть /лежать, стоять/'. Некоторые финитные глаголы допускают вариантыные формы: ср. каб. сы-к1уэ /сык1уэу к1эз-зублашь 'я начал ходить. В таких случаях один из вариантов совпадает с формой деепричастия на -уэ. Вариантность является результатом вторичных процессов, хотя варьируемые конструкции /сык1уэ к1эззублашь, сык1уэу к1эззублашь 'я начал ходить' / можно отнести к синтаксическим синонимам.

Распространение анализируемой формы во всех адыгских диалектах может служить доказательством отнесения ее к общеадыгской эпохе, хотя связанные с ней глаголы составляют небольшую группу *verba sentiendi*. Следует вместе с тем отметить, что развитие функций инфинитива на базе буд. времени и чистой основы глагола не относится к региональным /адыгским/ явлениям. В этом отношении убыхский язык обнаруживает структурное тождество с адыгскими языками. Убыхский язык не обладает специальной формой инфинитива. Однако в этом языке, как и в адыгских языках, в функции инфинитива используются основы буд. времени: гъа-мыз ла-ту-ау-ты агъа 'нехорошо покинуть своего ребенка', с-к1ва-у-н сы-гъы-н уа-лъ 'я думаю идти' /Dumézil, 1975, 1977/. Обращает на себя внимание и другое структурное сходство убыхского языка с адыгскими языками, заключающееся в употреблении чистой основы глагола в значении инфинитива: убых. сы-фы дасычат1ын 'когда я закончил есть', каб. с-шхы хъуынукуълым 'мне нельзя есть', убых. фы, каб. шхы — основа глагола в значении 'есть, кушать'. Использование буд. времени и чистой основы глагола для выражения инфинитива в убыхском и адыгских языках, хотя и является лишь их структурно-типологической общностью, не может быть бесспорно случайным. В этом проявляется общая тенденция к развитию функций инфинитива на базе однотипных категорий.

4. МАСДАР

Масдар — отглагольное образование, характеризующееся неглагольным словоизменением /имеет падежные, посессивные и другие формы/: адыг., каб. к1уэны-р /им.п./, к1уэны-м /эрг.п./ 'хождение', тхэны-р /им.п./, тхэны-м /эрг.п./ 'писание'. Считается, что подобные формы представляют собой причастие буд.времени. Однако вряд ли можно их рассматривать как причастные формы. Последние лишены, например, форм посессивности, а масдар образует посессивные формы по модели имен существительных: каб. уи-к1уэны-р дыужэгъуашь 'твое хождение надоело нам'; си-йэджны-р зэ-пыуашь 'мое занятие прервано'. Нельзя, по-видимому, согласиться также с мнением, что масдар не отличается от инфинитива /Гр.1970,184/. Инфинитив характеризуется только некоторыми формами глагольного словоизменения, тогда как масдар обладает именной /хотя и неполной/ парадигмой. Масдар образован с помощью того же суф. -н, что и буд.время и инфинитив. Но масдар отличается от формы буд.времени и инфинитива по строению и функционированию, хотя объединяется с ними общностью происхождения суф. -н. Такого же происхождения субстантивированные формы типа адыг. шхын/ы/, каб. шхын 'пища', адыг. дын/ы/, каб. дын 'шитье', обладающие в отличие от масдара полной субстантивной парадигмой.

Как масдарные формы типа адыг., каб. к1уэны-р 'хождение', так и субстантивы типа адыг., каб. шхын/ы/ 'пища' возводятся к эпохе общеадыгского единства, о чем свидетельствует их наличие во всех диалектах адыгских языков. Но субстантивация форм на -н — живой процесс, действующий с разной степенью интенсивности в адыгских языках. Хотя масдар представлен в родственных языках /ср.формы типа /а/ца-ра 'идти' в абхазском и абазинском/, он возник в период после распада западнокавказского единства. Формы на -н в функции масдара и инфинитива и абхазско-абазинская форма на -ра, сложившаяся в результате параллельного развития, генетически нетождественны, хотя между ними много общего в функциональном плане.